

В. К. Карпович-Скопинцева

г. Минск, Беларусь

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ Х. ПОТОКА
«МОЁ ИМЯ – АШЕР ЛЕВ»

В современном мире возрастает интерес к проблеме формирования идентичности личности. По мнению психолога М. Бамберга идентичность – это «попытка дифференцировать и интегрировать представление индивида о самом себе по различным социальным и личностным параметрам, таким как пол, возраст, раса, профессия, социально-экономический статус, этническая и классовая принадлежность, национальность» [1, р. 241]. Рассматривая вопросы идентичности в рамках художественных произведений, стоит отметить тот факт, что многие повествования сосредоточены на вопросах идентичности: от классического *Bildungsroman*, описывающего развитие главного героя от детства до взрослой жизни, до постмодернистских произведений

сосредоточенных на 'фрагментированной личности' (*fragmented self*), в которой различные стороны вступают в конфликт между собой [2, р. 1; 3, с. 49]. В основе формирования таких конфликтов могут лежать различные аспекты современной действительности, такие инновационные технологии, мультикультурность и диалог культур, религиозное многообразие и взаимодействие представителей разных конфессий и др. В эпоху стремительных социальных, политических и культурных перемен структура самосознания становится настолько сложной, что человек погружается во множество различных ролей, и сохранить их единство в рамках одного комплекса становится чрезвычайно трудной задачей.

Роман американского писателя еврейского происхождения Хаима Потока (1929–2002) «Моё имя – Ашер Лев» («My Name Is Asher Lev, 1972) является примером того, как жанровая модель романа о художнике функционирует в литературе США с учетом мультикультурной составляющей американского общества. В основе повествования лежит не только тема развития и становлении творческой личности, но и влияние культуры и религии на творческий процесс и формирование идентичности главного героя. Опираясь на свой жизненный опыт, автор изложил своё видение конфликта поколений и культур.

В центре романа находится талантливый художник еврейского происхождения, который сталкивается с противоречиями между своим художественным призванием и традициями религиозной общины, к которой принадлежит его семья. Ашер Лев стремится найти баланс между своим художественным даром, который требует от него самовыражения и творческой свободы, и ожиданиями окружающих, приверженцев традиционных ценностей и верований евреев-хасидов. Все свои мысли, переживания, страдания, горечь и печаль главный герой выражает через художественное творчество.

Действие романа начинается с раннего детства главного героя, когда у Ашера появляется творческий интерес и желание рисовать, несмотря на запрет семьи из-за религиозных взглядов. В ходе взросления героя внутренний конфликт только усиливается, и этот внутренний спор находит свою реализацию в творчестве. Автор романа, который сам был выходцем из религиозной семьи и сталкивался с непониманием своей тяги к литературе и творчеству, ярко передаёт внутренние переживания Ашера. Религия и искусство, как два важных аспекта жизни героя, становятся источником внутреннего конфликта и поиска гармонии. Ашер Лев сталкивается с давлением со стороны своей семьи и сообщества, которые не всегда понимают или одобряют его художественные эксперименты и стремление к самовыражению. Из-за постоянных конфликтов со своим отцом и непризнанием его творческого дара как чего-то, что достойно внимания, Ашер Лев теряет веру в себя и предпринимает попытки прекратить рисовать:

I remember that sometime during my first year in school my mother asked me why I had stopped drawing. I shrugged a shoulder.

“Is that an answer, Asher?”

“I don’t feel like it any more, Mama.”

“Why don’t you feel like it, Asher?”

“I don’t know.”

“You are really very good at drawing.”

“I hate it,” I said. “It’s a waste. It’s from the sitra achra”.

She paled a little and said nothing more [4].

Отец Ашера представлен как традиционный и консервативный человек, глубоко верующий в еврейскую традицию и ценности. Он является духовным лидером семьи и стремится передать свои убеждения и учения сыну. Отношения между отцом и сыном в романе сложные и запутанные из-за различий во взглядах и ценностях. Отец Ашера не понимает и не одобряет его стремления к искусству и желание стать художником. Чем старше становится Ашер, тем негативнее отношение отца к дару сына. Отец видит в искусстве опасность для веры и традиции, пытаясь убедить Ашера отказаться от рисования в пользу более полезного людям, и их общине, в частности, занятия: *If you were a genius in mathematics, I would understand. If you were a genius in writing, I would also understand. If you were a genius in Gemorra, I would certainly understand. But a genius in drawing is foolishness, and I will not let it interfere with our lives. Do you understand me, Asher? wish you would stop drawing. We were done with that foolishness [4].* Отцовское давление и ожидания становятся серьезным испытанием для Ашера, который сталкивается с выбором между подчинением семейным желаниям и своим собственным устремлениям и страстям. В этом конфликте отец выступает как символ старой школы, представляющий стойкую и устаревшую точку зрения на искусство и творчество. Его образ является ярким примером религиозного авторитета и источником давления на главного героя. Из-за сложных отношений с отцом Ашер вынужден доказывать, что он имеет право на свободную творческую деятельность и возможность делать то, что ему действительно нравится, а не то, что ожидает от него его семья:

Важным этапом в жизни главного героя является эпизод, в котором Ашер проявляет заинтересованность в произведениях Пабло Пикассо после случайного посещения картинной галереи, несмотря на ограничения, накладываемые его религиозными убеждениями. Для него произведения известных художников открывают совершенно новый мир искусства, однако попытки героя ближе познакомиться с искусством с ним заканчиваются неудачей, что видно из его диалога с матерью:

“I see the front and side of a woman’s face. The woman is sitting by a window. She’s wearing a hat with a flower and is holding a cat in her hand. It’s by Picasso. I like Picasso very much, Mama. But there are things by him I don’t understand.” I gazed at the paintings in the room where we stood. “I don’t understand these at all. Not any of them.”

“We ought to go back, Asher. It’s getting late and I have to make Shabbos.”

“How can I understand these paintings, Mama?”

“I don’t know, Asher. I wish you would worry half as much about understanding your schoolwork as you do about these paintings. Let’s go home. It’s not summer, and Shabbos will be here soon” [4].

Однако одним из главных запретов его семьи и общины являются не работы Пикассо или других известных художников, а картины с изображением представителей других религий:

“Can you explain those paintings to me, Mama?”

“The first ones we saw?”

“Yes.”

“They were about a man called Jesus.” <...>

“I know about Jesus,” I said. “Jesus is the God of the goyim.”

“Jesus was a Jew who lived in Eretz Yisroel at the time of the Romans. The Romans killed him. That was the way Romans executed people. They hung them from those big poles, the way you saw in the paintings.” <...>

“Why did the Romans kill Jesus?”

“He said he was the moshiach. They thought he would make a revolution against them.”

“Was he the moshiach, Mama?”

“No. He was not the moshiach. The moshiach has not yet come, Asher. Look how much suffering there is in the world. Would there be so much suffering if the moshiach had really come?”

“Why are there so many paintings about him if he wasn’t the moshiach?”

“The goyim believe he was the moshiach. The goyim believe he was the son of the Ribbono Shel Olom. They make paintings of him because he is holy to them” [4].

В этом диалоге раскрывается одна из основополагающих сторон иудаизма и его связь с христианством. Этот отрывок подчеркивает важность религиозных убеждений для персонажей и их понимание истории. Разговор об Иисусе становится поводом для рассмотрения различий между христианством и иудаизмом, подчеркивая важность религиозной и культурной идентичности героя. Мать Ашера стремится представить свое видение мира и истории иудаизма, для того чтобы укрепить религиозные убеждения сына. Однако убедить сына ей не удалось. Наоборот, тема христианства вызывает интерес у Ашера: *The next Monday, I went alone to the museum after school and spent an hour copying paintings of Jesus into my sketchbook. I noticed two guards watching me and whispering to each other. People went by and stared curiously. I worked slowly and carefully, copying with a pencil into the sketchbook. It was only later, on my way home, that it occurred to me how strange it must have been to see a red-haired boy in a black skullcap and dangling ear-locks standing in a museum and copying paintings about Jesus [4].*

В ходе взросления главного героя родители и религиозное сообщество понимают, что им не под силу запретить Ашеру рисовать, искусство – это часть его идентичности, и он готов пожертвовать всем, чтобы продолжать творить. Ашер не единожды предпринимал попытки бороться со своим влечением, но все они не увенчались успехом. Близким Ашера ничего не

оставалось, кроме как познакомить его с известным художником Джейкобом Каном. Члены религиозной группы надеялись, что Джейкоб Кан, который был назначен наставником Ашера, сможет показать всю сложность мира искусства и переубедить юного художника развиваться в этом направлении. Наставник Ашера действительно пытался отговорить главного героя: *“Do you understand what this is?” Jacob Kahn asked me, his strong voice rising. “Do you begin to understand what you are going to be doing to yourself? Do you understand me, Asher Lev? This is not a toy. This is not a child scrawling on a wall. This is a tradition; it is a religion, Asher Lev. You are entering a religion called painting”* [4]. Джейкоб Кан надеялся, что мальчик перестанет рисовать и вернётся к своей семье, однако Ашер Лев продолжил работать в мастерской Джейкоба Кана, он совершенствовал свои навыки, пробовал себя в различных направлениях. Видя успехи и непреодолимое желание сына творить, родители Ашера постепенно привыкают к виду его деятельности. Узнав о том, что у Ашера будет выставка картин, его отец принял эту новость с радостью, однако он не подозревал, картины какого характера он увидит. Худшими ожиданиями для отца Ашера были бы картины с изображением обнаженных людей. Таких картин, и вправду, на выставке представлено не было:

“Will there be any nudes in your exhibition, Asher?”

No.

“Then your father will be able to come”

I said nothing.

“Asher?”

I said nothing.

“Your father can come?”

Yes, I said. Papa can come. Of course he can come. There are no nudes.

Certainly he can come [4].

В репликах Ашера прослеживается сомнение и даже страх. Хотя произведения в жанре «ню» отсутствуют на выставке, отца Ашера ожидает более глубокое потрясение, поскольку основная картина выставки и лучшая работа его сына – это полотно с изображением распятия Иисуса. Момент, когда отец впервые видит пик творческого вдохновения своего сына и его величайшее произведение, является кульминацией всего романа. Автор, описывая эти события, создаёт атмосферу напряженности и загадочности. Он не спешит с развитием сюжета, передавая читателю эмоции самого Ашера, его страхи и переживания: *His face wore an expression of awe and rage and bewilderment and sadness, all at the same time. I remembered that expression. During the months of my mother’s illness, I had drawn her once sitting in the sunlight of our living room, and he had watched me from the doorway, watched me using cigarette ash to give life to the contours of her body and face. He had had that same expression on his face. Who are you? the expression said. Are you really my son?”* [4]. На протяжении столетий «евреи избегали Иисуса и его евангелий. <...> Эта неприязнь к образу Иисуса проистекает преимущественно из страха перед многовековым антисемитизмом, царившим в Европе, где

распятие Христа использовалось как предлог для гонений на евреев» [5]. Кроме того, иудаизм отрицает любые изображения божества согласно установлению Торы: «И берегите себя очень ради душ ваших, ибо не видели вы никакого образа в день, когда говорил Господь вам на Хореве из среды огня...» (Дварим (Втор.) 4: 15), т. е. образ Бога не предполагает воплощения в материальных средах в силу своей нематериальности» [6, с. 208].

После происшедшего отец Ашера спешно покидает выставочный зал. Любая надежда на восстановление отношений между отцом и сыном окончательно угасла. Отец Ашера предчувствовал нечто негативное, но именно такой тип живописи он характеризует как “an impossibility”: “*I understand, he kept saying. “Jacob Kahn once explained it to me in connection with sculpture. I understand.” Then he said, “I do not hold with those who believe that all painting and sculpture is from the sitra achra. I believe such gifts are from the Master of the Universe. But they have to be used wisely, Asher. What you have done has caused harm. People are angry. They ask questions, and I have no answer to give them that they will understand. Your naked women were a great difficulty for me, Asher. But this is an impossibility”* [4].

Отец главного героя считает, что его сын приносит боль не только его семье, но и всей общине, и лучшим выходом из сложившейся ситуации является переезд в Париж, где у Ашера нет ни знакомых, ни друзей; в Париже он сможет начать новую жизнь: “*There are no memories in Paris of Asher Lev*” [4]. Покидая свой дом, Ашер замечает в окне образы своих родителей, которые запечатлелись в его памяти перед отъездом в новое для себя место, где он надеется найти лучшие условия для развития творческого потенциала.

В заключение следует отметить, что противоречия между свободой творчества и обязанностями перед семьей и обществом, олицетворенные в судьбе Ашера Лева, отражают одну из ключевых жанровых характеристик романа о художнике и делают этот роман актуальным и значимым для современных читателей. Посредством метафоры искусства Х. Поток поднимает важные вопросы об истинной сущности человека, его связи с прошлым и будущим, с семьей и социумом. Изображая переживания и творческие поиски Ашера Лева, автор предлагает читателям задуматься о смысле жизни, ценности искусства и духовности. Произведение показывает то, какой непростой выбор и противоречия могут стоять перед человеком, стремящимся найти свое место в мире и сохранить свою уникальность в условиях социокультурных ограничений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bamberg, M. Identity and Narration / M. Bamberg // Handbook of Narratology / ed. Peter Hühn, Jan Christoph Meister, John Pier, Wolf Schmid. – 2nd ed. – Berlin, 2014. – Vol. 1. – P. 241.
2. Barstad, G. E. Exploring Identity in Literature and Life Stories : The Elusive Self / Guri E. Barstad, Karen S. P. Knutse, Elin Nesje Vestli. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2019. – 324 p.

3. Синькевич, О. Б. Парадоксы персональной идентичности : современный контекст / О. Б. Синькевич // *Философия и социальные науки*. – 2014. – № 3. – С. 48–52.
4. Potok, C. *My Name Is Asher Lev* / C. Potok. – Knopf, 1972. – 369 p.
5. Еврейское искусство и табу на Иисуса / Лехаим. – 2 марта 2017. – URL: <https://lechaim.ru/events/tabu-na-iisusa/> (дата обращения: 17.05.2024).
6. Раевская, Н. Ю. Иудаизм : Бог и его образ / Н. Ю. Раевская // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. – 2014. – №2. – С. 208–217.